

Б И Б Л И О Т Е К А

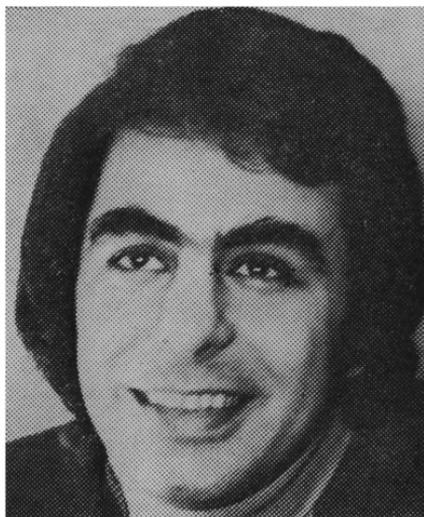
ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 23

1985

Айман АБУ ШААР

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

ГОЛОС ЖИЗНИ

Айман АБУ ШААР

ГОЛОС ЖИЗНИ

СТИХИ

Переводы с арабского

Айман АБУ ШААР

Сирийский поэт Айман Абу Шаар, видный представитель прогрессивной арабской поэзии, родился в Дамаске в 1948 году. С юных лет пришлось узнать ему, что такое труд,— еще подростком он становится носильщиком в Бейруте, потом плотником и каменщиком на стройке. С 16 лет он уже активный член Коммунистической партии Сирии, слагает революционные песни и поет их рабочим на заводах и крестьянам в деревнях.

В 1975 году на одной из встреч реакционеры совершают на Абу Шаара покушение.

В арабском мире Айман Абу Шаар известен как поэт, твердо стоящий на позициях социалистического реализма. Он автор восьми поэтических сборников и пьес. Им написано немало критических статей о поэзии.

За время пребывания в Москве поэт перевел на арабский язык многих советских поэтов и подготовил антологию избранной советской поэзии.

ЛИСТ ЛЮБВИ

Да, этот лист — он плод воображенья.
И сон любви в минуты вдохновенья
Опять мои стихи писал на нем,
И мы сливались с призрачным листом,
Читая грусти полные творенья.

Какою нас печалью опьянило!
Как плакал лист, как больно сердце ныло!
Ведь слезы все его на этот раз
Струились из моих печальных глаз.
Как только пережил я все, что было!

Он, этот лист, — моей души частица,
Прекрасной жизни странная страница.
Руками я беру его — и вдруг
Он нежностью втекает в пальцы рук,
Но прошлое уже не повторится.

Они меня с ума сведут, волненья,
Что в строчках на листе воображенья.
Я весь в слезах, я больше не могу,
Я этот лист загадочный сожгу —
И пропадут, как призраки, сомненья.

Легко сгорел он. Пламя было светлым,
Ведь я его сжигал лучом рассветным.
Мне в том огне увиделись ясной
И встреча с ней, и миг разлуки с ней,
И чувство, что осталось безответным.

О жизнь, пробел мой в памяти восполни,
Душа моя, ты все, как было, вспомни.
Ужели я рассудок потерял?
Ведь лист воображаемый сгорал,
Откуда ж след ожога на ладони?!

ТАЛ-АЗЗАТАР¹

Наш деспот пал. А ночь тиранства длится.
Вы видите, как просто убедиться
В том, что знамена подняты его.
Еще так рано праздновать победу,
И то, что ныне самодержца нету,
Еще не предрешило ничего.
Вы слышите — повсюду плачут дети.
А ночь черна. Она чернее нефти.
Убийцами на мушку взят рассвет.
Над жертвами сидит надежда в трансе,
А рядом смерть безумствует в экстазе,
И кажется, тому исхода нет.
Вот наша кровь, под нашими ногами
Разлившись, застывает зеркалами.
И стон, что закипает на губах,
Глухих подвалов липкие ступени,
По улицам шныряющие тени —
Все отразилось в черных зеркалах.
Мы позабыли, как щебечут птицы,
Но как орут циничные убийцы,
Мы слышим каждый день и каждый час.
И в нас летит свинец их дикой злобы,
А тучи, как осколочные бомбы,
Над головой взрываются у нас.
Вы видите, чуть овладев собою,
Замешивает мама хлеб наш с болью.
Зачем нам хлеб? Ведь каждый горем сыт.
Кровь на мукé в глаза мне так и лезет.
А мама иступленно месит, месит,
Потом вздыхает, плачет, голосит.
Воды кровавой в тесто подливает
И вдруг с земли ручонку поднимает
Вихрастого братишки моего.
И каждый пальчик гладит и целует,
И для нее уже не существует
Ни страха, ни аллаха самого.
Она не видит, что стою я рядом,
Все шарит по земле безумным взглядом,
И жалость мне на части сердце рвет.
А мама, будто примирясь с судьбою,
Опять наш хлеб замешивает с болью,
Протяжно так и жалобно поет.

¹ Палестинский лагерь в Бейруте.

В словах ее печальных смысла нету,
Но мне навек запомнить песню эту —
В ней каждый звук трагически высок.
Когда и ночь и город дышат смертью,
Как ядовито воздух пахнет нефтью,
Твой чистый воздух, Ближний мой Восток.
А мама, простирая к людям руки,
Обходит все дома и все лачуги:
— Смотрите, как сыночек мой убит.
Вы видите на тельце пятна эти?
Не крови это пятна — пятна нефти.
Мой старшенький убийцам отомстит.
В зубах собаки нашего соседа
Рука братишки среднего — Ахмеда,
А черный кот какой-то хрящ грызет.
Мне жутко. Я от ужаса завою.
Я тоже четвертован той резнею,
И боль моя вовеки не пройдет.
Так горло жизни смерть перегрызала.
— Мужайтесь, люди! — мама восклицала.—
Запомните, чтоб внукам передать,
Как будущее родины их милой
В крови крестилось жаркой и невинной,
Им эту кровь на знамени поднять.
Мужайтесь! — губы мамы повторяли.—
Мы в этой бойне столько потеряли,
Теперь нам даже нечем пригрозить.
Пусть наши души время не остудит.
Страшней того, что с нами есть — не будет,
Ведь что ужасней смерти может быть?
О хищный зверь предательства, я вижу
Оскал твоих зубов. Я рык твой слышу.
Пей кровь мою. Рви тело на куски.
Заткни мне кляпом рот. Язык мой вырви.
Но боль мою услышат в целом мире
Всем этим ухищреньям вопреки.
И весть пойдет во все земные дали,
Как негодяи правду убивали,
Как стервенело хищное зверье.
Стояла правда в месиве кровавом,
И если оседала под ударом,
Сам героизм поддерживал ее.
Нам не просить у подлости пощады.
Он перед нами, светлый образ правды.

И пусть рассвет предательски убит,
Пусть мы сегодня погибаем в муках,
Пусть рассветет уже при наших внуках,
Но рассветет, и правда победит.
И вспомнят нас в тот светлый день победы.
Ну а пока, солдаты-людоеды,
Ликуя, продолжайте гнусный пир.
Вот кровь младенца — пейте без смущенья.
Вот плоть моя — ну чем не угощенье?
Глумитесь и нагуливайте жир.
Вас призовет история к расплате.
Однажды в день воскресный в Петрограде
Вот так же распоясался цинизм.
Но солнце было знаменем народа,
На нем горело: ПРАВДА и СВОБОДА.
И где ж теперь всеильный тот царизм?!

ЧЕРНЫЙ АЛМАЗ

Посвящается Анджеле Дэвис

Анджела...
Анджела...
Бьет барабан,
и в ритмах его
кружится страх потаенный
вокруг огня.

Анджела...
Над морем парящая птица,
белая чайка,
среди бела дня
рисующая боевой девиз
на волне, летящей
то вверх, то вниз...

Анджела...
Дракон огнедышащий
совести чистой,
крылья свои распростерший
неистово
над кораблями 7-го флота,
берущими в клещи кого-то...

Анджела...
Бутылкою красных чернил
опрокинулась ты
на документы Белого дома,
на сургучи клеветы,
на печати погрома!

Анджела...
В сумрачном зале
собак бешеных свора.
Но правду не запереть на ключ,
не убить молотком приговора!
Голос твой —
ослепительный луч,
блеснувший во мраке,
истины факел!
...Ослепительный свет
наполнил
надеждой и верой
зал,
и каждый в зале
затрепетал,
даже ночь в испуге
закрыла глаза свои,
и приговор,
липкий от страха,
спрятался в рот судьи...

Анджела пела.
Да, просто пела!
Фотовспышка истории
выхватила из темноты
алмазный лик красоты,
выявив истинное и вздорное,
никому уступок не делая,
и оказалось:
все судьи — черные,
и только Анджела — белая!
Белоснежная чайка смелая!

МОНОЛОГ ПИШУЩЕЙ МАШИНКИ

Тук-тук...
 тук-тук...
Постылый звук!

Чужие пальцы —
как дубинка,
и сер и скучен мир вокруг,
и я в нем —
жалкая машинка.
Моим страданиям нет конца,
девичьим мукам
нет предела —
так нагло
руки подлеца
мое
 обшаривают
 тело!

Вся грудь моя обнажена —
сосут слова,
что станут вестью...
Вся грудь моя обожжена
и ненавистью к ним
и мезтью...

У власть имущих я —
раба,
стучу:
то цифры без боязни,
то объявленья (о судьба!),
то приговор
о смертной казни!
Я их по пальцам узнаю,
характер,
почерк различаю —
кто нежность не щадит мою,
кто бьет,
меня не замечая,
кто горд
и кто самовлюблен,
а кто
(ему в ту пору спать бы!)
юлит и шепчет:
любит он,
но только, чтобы все...
без свадьбы...

Я презираю их любовь
и всю их пишущую стаю!

Я ценность
буквочки
любой
в зависимость от слова
ставлю.
Вот буква «в»:
смела, дерзка,
устремлена к заре багряной!
Пусть пули свищут у виска,
зияет солнце
раной рваной...
Какая мощь,
какая стать
и стойкость перед силой
злою!
Воспрянуть,
встать,
восстать...

«Восстать!» —
несется грозно
над землю.

Я буквой «в» покорена,
жить без нее душа не может,
но любит
не меня
она,
ей буква «л»
других дороже!
То следует за ней,
как тень,
то, к ней прижавшись,
смотрит в очи,
без буквы «л» («любовь»)
и день
для «в» чернее
черной ночи.
Но буква «к» («казарма», «казнь»)
влюбленных, выследив, схватила,
их имена
втоптала в грязь,
решеткой их разъединила.

«Любовь» «Восстанием» жива...
«Восстание» «Любовью» живо...

«Любовь» «Восстанию» жена...
И рану Сердце
Обнажило!
Рыдала горько буква «с» —
«Стенанья»,
«Слезы»,
 «Скрежет» улиц,
но со штыком наперевес
«р» («Революция»)
взметнулось!
О, если б все любить могли,
как я,
под синью небосвода,
то стало б лозунгом Земли —
«Любовь,
 Восстание,
 Свобода!»

Увы!
Пока едва-едва
сквозь трусость
в даль идти рискую.
Я безутешна, как вдова,
по узнику,
по «в» тоскую...
Тук-тук...
 Тук-тук...
Постылый звук!
Но миг настанет
долгожданный,
придут тепло,
и свет,
и вдруг —
во мне под сердцем
трепет странный...
Я стану матерью...
Я жду!
Рука борца коснулась твердо,
и зреет
подлым на беду
во мне зародыш буквы
гордой!

Приливом чувств
полна душа,

я пью вино победы милой,
я жду Зарю, едва дыша,
в Надежду верю
с новой силой!

Тук-тук...

Тук-тук...

Победный стук!

Тук-тук...

крестьянин и рабочий...

Тук-тук...

Тук-тук...

Над лесом рук

«р» —

«Революция» —

рокошет!

СТАТУЯ СВОБОДЫ

Немало в Америке
всяких чудес,
там разные говоры,
разные стили..
Говорят, что в Америке
памятник есть,
который «шагающим»
все окрестили...

Когда над страной
опускается ночь,
огромная статуя
вдруг оживает
и будто,
чтоб всем угнетенным помочь,
сойдя с пьедестала,
в путь отбывает.

Обходит трущобы
и гетто она,
стучится в бараки
песней мятежной,
и в Чили видна,
в Палестине слышна,
во взорах борцов
пламенеет надеждой.

Как призрак ночной
на виду сторожей
она проникает
во все казематы —
и цепи невольничьи
рвутся уже,
в Родезии черной
оковы разъяты!
То вдруг превращается
в тайну чернил —
и зреют в подполье
стихи, словно гроздь,
и, гневом наполняясь,
взлетает, стокрыл,
чарующий гимн
революции грозной!

И слов,
гуманизмом рожденных,
поток —
«Свобода!

Свобода!» —
лучами струится...
Но лишь засветлеет
под утро восток,
и статуя вновь
к пьедесталу стремится.

А ею всё полнятся
теплые сны
и песни печальные
в детских приютах,
ее ожидают,
как чудо весны,
как листья в окошке
на кованных прутьях...

Америка, слыша
шагов ее звук,
глядит исподлобья
и злобы не прячет,
но если случится,
что хохот вокруг —
скорбящая статуя
горестно плачет...

Лицо твое не плачет, но рука
Застывшею, безжизненной слезою
Покоится в моей.
Биенье пульса — метроном судьбы —
Затихло, словно нам дает отсрочку.
Еще мы вместе, но уже поврозь...
Мне улетать, а я роняю крылья...
И слепну от невыплаканных слез.
И верный парус в странствиях моих —
Глаза твои — во тьме не различаю.
Слились все краски мира в цвет печали.
Лишь осязанье призрачной руки,
А образ твой сокрыт чадрой тоски.

III

Мы — флейты печали, играем мелодию страсти
По нотам увядших, ушедших, усталых времен...
А быть бы волнами, телами в песке растворяться,
И вновь возрождаться,

и вновь возвращаться
На круги немолкнувших волн.
Мы — пена морская...

Любовь нас от прошлого прячет,
Но прошлое давит на плечи,
И в схватке ночной
Мы прошлое сбросить пытались упрямо,
Как всадника конь,

от весеннего духа шальной.

Но время настало,
и свет на востоке забрезжил
И мир для двоих оказался суров и велик
Из отсветов ночи

мы сшили такие одежды,
Чтоб взгляд ни один под покровы любви не проник,
Такие одежды, чтоб в миг возрождения света
Мы сами, как факел священный,

дарили весну,
А прошлое наше в агонии билось и слепо,
Клонилось к последнему сну...

Любовь же с рассветом воскресла...
Но если любовь проиграет сражение с прошлым,
От мира уйдем мы в пустыню в терновом венце,
А если любовь побеждает — она непорочна,
И мы в ней, как в сказке, со свадебным пиром в конце.

Но, увы, беспомощно вновь
Лицеизрел ее наважденье...

Вот вулкан
Вдруг встал надо мной
Ребенком,
Лепечущим нежно,
Я толкнул его грубо рукой,
А он улыбнулся с насмешкой
И жестокость мою перенес,
Насмехаясь над силой мужчины,
А я плакал, не пряча слез,
И были на то причины:
И оттого, что убить не смог,
И оттого, что его ударил.
Мне больно было,
Словно в угаре
Пробил сам себе висок...

Я пытался вулкан отсечь,
Вырезать из живого тела —
Увы, карающий меч
В крови тонул то и дело...

Я пытался услатить его вдаль,
За моря-океаны, за скалы,
Но сердце мое, на печаль,
Его алым парусом стало...

Я хотел его в пламя столкнуть,
Но кричал,
В ожогах горевший,
Я пытался пламя задуть,
Но сам угасал, почерневший...

Я пытался тысячу раз
Осадить скакуна под собою,
Но сам спотыкался тотчас
И падал вниз головою...

И только сегодня вдруг
Меня осенило прозренье —
Я понял,
Корчась от мук,
Что ждет меня поражение!

Понял, сгорая в огне,
Что любовь,
Как смерть, всемогуща:
Дышу я —
И дышит во мне
Вулкан,
В моих венах живущий!

КРЕПЧЕ ОБЪЯТИИ

И вот
Я увидел тебя
на пути...
Мечта моих глаз —
эта встреча!
Случайная встреча,
чтоб снова уйти,
чтоб, может,
расстаться навечно...

Стояли,
и не было близких
родней,
а встреча —
минутная малость,
рука твоя
тихо дрожала
в моей,
как зыбкий туман
растворялась...

И щеки горели твои,
как заря:
как будто
из дальнего края
вернулись мечты мои,
нежно паря,
и к ним прикоснулись,
пылая...

О смерч ураганный
смятенной души,
едва тебя грудь
удержала!

Лишь «Ах!» —
еле слышно
слетело в тиши,
лишь тело
неслышно дрожало...

Молчанье —
как зеркало
огненных слов,
что нас захлестнули
лавиной,
скрывало страстей
заглушаемый зов
под этой паузой
длинной...

Я тут же ушел...
Но поймет ли она,
что завтра
мы встретимся снова?
На нежных губах ее
цвета вина
застыло
прощальное слово.

«Как быстро ушел ты!
Куда? И к кому? —
ей сердце
вопросы терзали,—
Ушел и не обнял меня,
почему?
Друг другу
двух слов не сказали!...»

Любимая,
не упрекай, не казись!
Никто на земле
так не сможет
любить тебя крепко,
сильнее, чем жизнь —
лишь ты всех на свете
дороже!

И все же
есть что-то,
что сердце мне жжет —
ты завтра узнаешь об этом!
Товарищи ждут,
революция ждет —
ты завтра
узнаешь об этом!

ПТИЦА

Видно мне не судьба
с этой болью навек распространиться,
Чуть затянется рана,
и вновь я ее бережу —
Покидаю свой дом,
одинокое по свету брожу,
И в глазах у меня
машет крыльями чуткая птица.
Этой птице,
спустившейся с ясности синего неба,
Озаренной волшебным сиянием
рассветных лучей,
Протянул я однажды
на теплой ладони своей
Трепет чистой любви
и кусочек насущного хлеба.
Как она, эта птица,
душе дорога и желанна.
Склянув трепет любви
и оставив укол, как укор,
Хлеб не тронула, нет.
Рядом с ним на ладони с тех пор
Сладкой болью болит
эта непостижимая рана.

НЕ СЖИГАЙТЕ ТОПЛИВО ДО КОНЦА!

Стоглавый,
стоглазый
зверь-людобой
в поверьях людских
прорастает мохнато.

Весь город заполнен
жуткой молвой:
в городе — зверь,
кровавые пятна...
Я щелкнул затвором,
пуля в стволе
команды моей
ждет напряженно,
и я не один
на этой земле
вышел на зверя,
во тьму погруженный.
Он прячется всюду,
он смотрит нам вслед,
за каждым углом

жертв

выжидая.

И вдруг в темноте
загорелся свет —
я палец руки, подняв,

поджигаю!

Г'орят мои пальцы,
как жаркие свечи,
один за другим,
один за другим...
Я путь освещаю,
не чуя увечий,
друзьям дорогим,
друзьям дорогим.
И вот оно,
логово Страха и Плача,
мы вышли на зверя —
какая удача!

Ему не уйти
от удара судьбы,
он грозно взревел
и встал на дыбы.
Хотел я нажать на крючок спусковой,
хотел

беспощадно

ударить по цели...

Я даже не понял,
что случилось со мной:
путь освещаю,
пальцы сгорели...

ПРИЧАЛЫ ВЕСНЫ И ПЕЧАЛЬНЫЕ ФАКЕЛЫ

Любимая,
несравненная!
Ты — поэма моя
вдохновенная!
Глаза твои — причалы весны,
улыбка ребенка, рассвет.
Глаза твои — море,
в котором плыву
и краше которого нет...
Выхожу на песчаные косы
и жемчужины собираю,
тени ловлю,
о несбыточном грежу —
о рае,
кровь за тебя отдаю...
Милая,
как я люблю!

А когда-то
не знал я тебя
и без паруса плыл.
Разве что-либо было важней?
Заблужденье манило
в гавани скуки,
на острова миражей.
Рассыпается в бликах заката
сказочная земля,
и сердце мое кричит
голосом морехода Синдбада:
«Люблю-у тебя-а!..»
Ради тебя
всю страну обойду —
беду отведу,
смерть убью!
Люблю я тебя, понимаешь?
Люблю!
Ты слышишь —
сердце стучит,
повторяя ошибки,
яростно бьется,
а волны разносят смех —
эхо смеется!

О если б моя душа
мотыльком была легкокрылым,
а мир вокруг — соткан из роз
и если б луны для счастья хватило,
луны и сиянья звезд,
я построил бы жизнь
из чудесного благоуханья,
жизнь невиданной красоты,
чтоб восторгом полна,
ты шла на свиданье
и грусти вовек не ведала ты.
Но я — человек,
а любовь человека — иная.
В сердце моем клокочет и бьется
явь земная:
боль века,
горе века...
Любовь человека —
слезы на впалых щеках,
стон нищеты,
страх в ребячьих зрачках.
И когда я пою о любви,
появляются свежие раны,
я пою — и слова мои словно в крови,
и во мне закипает
вихрь ураганный.
Прочь бесплодность иллюзий!
Прочь бесплодность молитвы!
Строить дом на песке — быть беде,
все равно что чертить на воде
план решающей битвы.

* * *

Правду ища,
я гневно сорвал с эмира
знакомый с детства военный плащ.
Ни пылинки в складках плаща,
ни пылинки
на лошади смирной!
И тогда я смахнул исступленно
слезы горечи и поражения
с глаз моих ослепленных,
с глаз, прозревших до жженья,

и рванул я с силой неожиданной
бороды истин ложных,
бороды трусости, страха, обмана,
славы в заржавленных ножнах.
Все, что сделалось вздорным,
вырвал из сердца с корнем.
Новые образы —
не миражей узоры,
новые образы — камни,
скалы, гранитные горы.

* * *

Я верю: живительный дождь прольется
в пустынях, в сухих песках...
Я верю: весна улыбнется
росинками на лепестках...
Луна созревает, как плод,
и тесен ей небосвод,
она к человеку рвется!
Так пусть же вулканом взорвется
весь этот дряхлый мир!
Да сгинет ложный кумир!
Пусть липкая ложь веков
вытечет лавой из наших голов —
чтоб стало светло от любви,
чтоб люди стали людьми!

МУЗЫКА

Рявкнул хозяин —
и словно бич
щелкнул в ночном кабаке:
«Эй, негритос!
Ты забыл об игре!
Где этот черный сыч?
Музыку, музыку!
До, ре!
Музыку, черный колдун!»
И бьет барабан,
как дождь во дворе:
Дум!.. Дум!..
Дум!.. Дум!..

Даже — от жадности — ноздри дрожат.
Жарок
 жасминный ее аромат.

Вся она — счастье, сиянье, любовь!
Что ж ты наделала, музыка!
Музыка, музыка — рана и боль.
Музыка...
Юность и нежность —
 добыча рвача...

Никнет она,
 каблучками стуча...
Так, умирая,
 трепещет свеча.
Музыка!

Музыка — вихрями горького ветра.
И барабанщик шурит глаза...
Что ты дрожишь на реснице,
слеза
старого негра?

Кристалл-слеза!
И зал заблистал,
как россыпь огней,
сквозь слезу — кристалл.
И качка огней —
 страшней, тошней.
И пятна теней — длинней, длинней.
И каждое тело
 вдруг расплылось,
и рожи поехали
 вкривь и вкось,
И хохот адский,
 и блеск вина.
Кроваво-алый
 бокал до дна!
Как будто гуляет
 сам сатана!
Музыка!

Давай, барабанщик,
 наяривай, жарь!
Быстрее, быстрее,
черная тварь!

краснокожий,
с алою кровью
схожий!
Мщенье зовет:
«Бей!»

Пусть слова
не расходятся
с делом,
подтверди их
действием смелым!
Диалектика —
это прилив и отлив.
Диалектика —
это подъем и спуск.
Если ты молчалив —
значит трус!

Не бывает героев
застенчивых, как невеста,
хватит сослаться на слабость,
трусам
 в бою
 не место!

Бей в барабан,
пробил час!
Кто не с нами,
тот против нас!

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Лист любви. <i>Пер. И. Ляпина</i>	3
Тал-Аззатар. <i>Пер. И. Ляпина</i>	4
Черный алмаз. <i>Пер. А. Мамонова</i>	6
Монолог пишущей машинки. <i>Пер. А. Мамонова</i>	7
Статуя Свободы. <i>Пер. А. Мамонова</i>	11
Письма, не подвластные огню. <i>Пер. А. Мамонова</i>	13
Муки любви. <i>Пер. А. Мамонова</i>	16
Крепче объятий. <i>Пер. А. Мамонова</i>	18
Птица. <i>Пер. И. Ляпина</i>	20
Не сжигайте топливо до конца! <i>Пер. А. Мамонова</i>	20
Причалы весны и печальные факелы. <i>Пер. А. Мамонова</i>	22
«Правду ища...» <i>Пер. А. Мамонова</i>	23
«Я верю: живительный дождь прольется...» <i>Пер. А. Мамонова</i>	24
Музыка. <i>Пер. В. Леванского</i>	24
Голос жизни. <i>Пер. И. Ляпина</i>	29
Диалектика. <i>Пер. А. Мамонова</i>	29

Аймаг АБУ ШААР

ГОЛОС ЖИЗНИ

Редактор **Е. А. Антошкин**

Технический редактор **О. Н. Ласточкина**

Сдано в набор 22.03.85. Подписано к печати 21.05.85. Формат $70 \times 108^{1/32}$. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная». Офсетная печать. Усл. печ. л. 1,40. Учетно-изд. л. 1,70. Усл. кр.-отт. 1,58. Тираж 85 000 экз. Изд. № 1128. Заказ № 487. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

● Те, кто постоянно дружит с физкультурой, занимается в группах здоровья и общей физической подготовки на спортивных сооружениях, построенных с помощью доходов лотереи «Спортлото», не нуждаются в лекарствах и бюллетенях.

● Таких спортивных сооружений — стадионов, дворцов спорта, спортзалов, бассейнов — построено уже более 200 в больших и малых городах нашей страны. Сотни миллионов рублей выделены из средств лотереи «Спортлото» на развитие физкультуры и спорта.

● Тиражи лотереи «Спортлото» проводятся по воскресеньям. Разыгрываются денежные суммы от трех до 10 000 рублей. Билет лотереи участвует в тираже двумя вариантами номеров. Он считается выигрышным, если с результатами тиража совпадут не менее трех номеров в одном из вариантов.

● Возможность систематически заниматься физкультурой и спортом, укреплять свое здоровье — таков главный выигрыш всех участников этой популярной лотереи.

● Желаем вам, дорогие друзья, удач в игре, успехов в физкультуре и спорте.

**Главное управление спортивных лотерей
Спорткомитета СССР**